

У Незлобина.

„Лучше-бы онъ не писалъ этого со-
всѣмъ“.—Такой вопль вырвался изъ
устъ моего сосѣда по креслу, когда
кончился „Красный кабачокъ“. И
дѣйствительно, лучше-бы г. Бѣляевъ
не писалъ его совсѣмъ. Что-то без-
конечно претенціозное, надуманное,
головное. Какое-то сумбурное кри-
влянье на тему: „жизнь есть ложь,
и ложь есть жизнь“. Г. Бѣляевъ не-
дурной стилизаторъ, онъ чувствуетъ
старину, любитъ ее. Но въ „Красномъ
кабачкѣ“ и эти добрыя качества из-
мѣнили ему. Дальше шаблонной сти-
лизации „по учебнику“ здѣсь не идетъ.
Режиссеръ, въ свою очередь, сдѣлалъ
все, чтобы доканать пьеску. Поста-
влена она въ какихъ то безвкусовыхъ
размалеванныхъ декораціяхъ. Отъ
всего несетъ картономъ и клеємъ.
Безвкусны и костюмы, и группировки
дѣйствующихъ лицъ. Еще хуже по-
становки—играли. Не было ни одного
живого слова, всѣ кричали благимъ
матомъ, точно въ оперѣ, такъ что
мѣстами и словъ разобрать нельзя
было. Особенно безпомощенъ былъ
женскій элементъ, и кто именно изъ
этого элемента хуже—сказать трудно.
Изъ мужчинъ лучше другихъ г. Асла-
новъ, но только лучше другихъ. Не
больше. Верхніе неистовствовали—ис-
въ партерѣ „народъ безмолвствовалъ“.
На поклонъ выходили авторъ и, за-
мѣтно конфузясь, режиссеръ г. Комис-
саржевскій.

Дальше шла сказка Толстого „Пер-
вый винокуръ“. Изъ нея режиссеръ
сдѣлалъ феерію съ правоученіемъ.
Играли очень недурно гг. Нероновъ и
Балакиревъ. Въ полномъ несоотвѣт-
ствіи съ лубкомъ, въ которомъ вы-
являлась сказка, звучала музыка г.
Манькина-Невструева, во многомъ на-
поминавшая „Орленка“. А вѣдь отъ
„Винокура“ до „Орленка“—„дистанція
огромнаго размѣра“.

Въ общемъ, неудачный спектакль,
особенно обидно неудачный послѣ пред-
шествовавшихъ ему нѣсколькихъ очень
удачныхъ постановокъ театра Незло-
бина. —Ъ.

— Театръ Незлобина сочеталъ вчера
въ одинъ спектакль манерный, желающій
быть очень стильнымъ и утонченнымъ
«Красный кабачокъ» г. Бѣляева и про-
стодушно - назидательнаго толстовскаго
«Перваго винокура». «Кабачокъ»—рожде-
ственская шутка въ обстановкѣ конца
XVIII в. и съ знаменитымъ барономъ Мюнх-
гаузенемъ, въ качествѣ центральной фи-
гуры. Кое-что въ этой шуткѣ занима-
тельно, не лишено вкуса; есть любопыт-
ныя черточки въ изображеніи крѣпост-
ныхъ актрисъ. Но Мюнхгаузенъ могъ бы
быть позанятѣе, а вся шутка—покороче
и безъ пристроенной къ ней апологіи
«лжи», — выдумки, творческой фантазіи.
«Кабачокъ» красиво поставленъ, но сы-
гранъ лишь съ поддѣланною веселостію.

«Перваго винокура», въ которомъ такъ
слабо пробивается искусство сквозь гу-
стую назидательность, если стоило обра-
щать въ сложный театральный уборъ, то
лишь при непремѣнномъ условіи пользо-
ваться, какъ мотивами постановки, нашей
національной «демонологіей», созданной
народной фантазіей. Но въ Незлобинскомъ
театрѣ черпали вдохновеніе больше въ
фееріи, въ балетѣ. И картины «ада» съ
мелькающими красными трико и крылыш-
ками могли порадовать развѣ очень ужъ
наивный вкусъ. Отлично игралъ, съ настоя-
щимъ юморомъ, мужицкаго чорта г. Не-
роновъ. Обѣ части спектакля имѣли
успѣхъ. Послѣ «Кабачка» много вызыва-
ли его автора.